

«АНТОНИО фон Эльба», пьеса, в которой Елена Васильевна играет главную (драматическую!) роль, написана в 1972 году итальянским драматургом Ренато Майнарди. В основе сюжета лежит весьма нетривиальный любовный треугольник: некогда танцовщик, а ныне экстрасенс Фьоре (Олег Исаев), его юный возлюбленный Антонио (Дмитрий Бозин), мечтающий о карьере оперного певца, и 70-летняя бывшая оперная прима Амалия (Елена Образцова). Любовь между Антонио и Амалией приводит к трагической развязке, но впечатление от пьесы, как это ни удивительно, исключительно солнечное, жизнеутверждающее. Это истинный гимн любви, которой «все возрасты покорны», недаром критики дружно называли «Антонио фон Эльба» самой прекрасной и самой убедительной комедией Майнарди...

— Елена Васильевна, что привлекло вас именно в этой пьесе?

— То, что она про меня.

— Но не до такой же степени!

— Ну, не полностью, но почти... То, что происходит со мной, и сюжет, разворачивающийся на сцене, сходятся необычайно. Поэтому, собственно, я и согласилась играть.

— Вы неоднократно говорили, что редко бываете удовлетворены своей работой. На «Антонио фон Эльба» это распространяется?

— Нет, этой своей работой я действительно удовлетворена и была после спектакля просто счастлива. Я спела и сыграла очень хорошо, все было в радость и в удовольствие, я даже почти не ошибалась!

— Неужели вы когда-нибудь ошибаетесь?

— Это случается с любым артистом. Бывает, остановишься посреди спектакля — и все! Белый лист бумаги, не помнишь ничего абсолютно — ни слов, ни действия. Приходится собираться, начинать импровизировать. Хорошо, если партнеры сумеют вовремя поддержать.

— Кстати, о партнерах. Какое впечатление на вас произвел театр Романа Виктюка как таковой?

— Исключительно сильное и светлое. Я увидела совсем другой мир, мир добра, чистого сердца, изумительных дружеских отношений.

— Вас совсем не пугала работа с этим режиссером?

— Я довольно долго не смотрела спектаклей Виктюка, хотя слышала о нем и о его работах

всякое. Впрочем, я никогда не обращала внимания на сплетни, предпочитая лично убедиться в том, в чем мне хочется убедиться. Когда же я попала к Виктюку, то сразу поняла, что это изумительный мир, а то, что он эпатирует публику, делая этот свой дурацкий имидж, так это для дураков, над которыми он просто смеется.

— А всегда ли вы были согласны с его режиссерскими требованиями?

— Мне не нужны и никогда не были и не будут нужны ни режиссер, ни дирижер, потому что я живу той жизнью, которую мне предлагает автор пьесы. В том образе я и живу на сцене.

— Но как в таком случае вы ладите с Виктюком?

— Успешно. Он со мной ставил мизансцену, мы очень много говорили об образе и не только.

— Вам понравилось быть драматической актрисой?

— Да, Амалия — моя первая драматическая роль, но не последняя. Мы уже договорились, что будем делать новую пьесу — «Венеру в мехах», где я буду играть. Я жду не дожидусь, когда начнутся репетиции. Меха уже есть, сейчас сделаем Венеру...

А если серьезно, то я очень увлеклась драматическими спектаклями и именно этим театром. Этот мир меня влечет, и я не собираюсь с этим бороться.

— Не опасаетесь, что вас начнут ругать за измену серьезной музыке или пойдут какие-то сплетни?

— Нет, потому что моя публика меня любит и знает вот уже тридцать восемь лет и не поверит никаким слухам. А что до якобы «предательства», то я ни в коем случае «не изменяю» серьезному искусству. Я сейчас увлеклась камерной музыкой, вы не представляете, сколько в мире изумительных вещей, которые у нас никогда не исполнялись, так что планы у меня очень большие. К тому же мы готовим к открытию свой театр (нам уже дали изумительное помещение на Невском проспекте), где помимо всего прочего будут очень интересные программы, включающие показ уникальных видеоматериалов. Будем устраивать мастер-классы, приглашать зарубежных педагогов. Многие мои коллеги, с которыми я пропела всю жизнь, уже дали на это согласие.

У нас, в России, есть очень хорошие голоса, есть замечательная певческая школа, но певцы плохо знают языки (это считалось второстепенным) и современный стиль исполнительства, и я сейчас буду помогать им именно в этом.

Я очень много думаю, как сделать так, чтобы достижения за-

МИР СПАСЕТ ВСЕ-ТАКИ КРАСОТА. И НЕ ТОЛЬКО

Даже в спектакле Романа Виктюка Елена Образцова осталась собой

Независимая газета, — 2000 — 17 ноября — с. 9

падной культуры стали доступны в полной мере здесь, у нас. Думаю, что этого можно достичь с помощью мастер-классов. К сожалению, Запад нас

опережает, так как мы слишком долго жили при закрытых дверях.

— Елена Васильевна, раз уж мы заговорили об эпохе «закрытых

дверей»... Многим интересно, состояли ли вы в партии?

— Я никогда не была ни в какой партии, хотя отец настоятельно мне советовал вступить в КПСС,

чтобы сделать карьеру, а я сказала, что этого никогда не будет. Потом мне пришлось смягчить свой отказ — я отговорила тем, что не могу поступать нечестно по отношению к партии. Не имею, дескать, морального права носить партийный билет и при этом ничего не делать по партийной линии, а времени для общественной работы нет. Вот когда у меня оно появится, тогда и вступлю. И меня оставили в покое, так что моя профессиональная карьера — это, слава Богу, моя профессиональная карьера, а ее никогда не пыталась ускорить или закрепить при помощи партбилета. Классическая музыка и партийная идеология как-то не сочетаются...

— Но с культом потребительства она тоже не слишком совместима. Как вы думаете, выживет ли классика в новом тысячелетии?

— Великая музыка остается великой и бессмертной. В каком бы веке она ни звучала, она никогда не умрет. Потребность в настоящем искусстве у людей есть. Мы сейчас объелись «запретными плодами», тем, что когда-то было недоступно (довольно многие из этих плодов на проверку оказались гнилыми или невкусными), и возвращаемся к тому, что вечно.

— А как бы вы определили само понятие «классика»?

— Это музыка души и сердца. А вот музыка ума без сердца, несомненно, исчезнет.

— Вы имеете в виду так называемые искания, на которые был так богат XX век?

— Да, то, что создавалось во имя собственного тщеславия, что не является мелодией души, может на краткий миг войти в моду, но никогда не станет истинной потребностью человечества. А вот Прокофьев, Свиридов — они, безусловно, будут звучать, пока стоит этот мир.

Меня очень радует и очень обнадеживает, что и в драматических театрах, и в опере я вижу очень много молодежи. Она ходит на спектакли, она жаждет искусства, и это очень хороший признак. Хотя бы потому, что когда публика, особенно молодая, не идет на спектакли, не интересуется зрелищами, она занята чем-то другим, часто очень неприятным и опасным.

— Сейчас многие испытывают определенный страх перед будущей эпохой, а каково ваше восприятие грани веков?

— Ощущения смены эпох у меня нет, но вот какое-то обновление в душе я действительно чувствую.

— Это связано с творчеством?

— И с творчеством тоже.

— Вы оптимистка?

— Я не просто оптимистка. Я большая оптимистка. Я убеждена, что наше будущее в принципе очень хорошее. Ну, не может быть, чтобы беды, горе, испытания длились бесконечно. Надежда на лучшее есть всегда.

— Только надежда, или вы уже видите признаки того, что наша жизнь станет лучше?

— Пока только надежда, потому что нынешнее время очень непростое, особенно для России. Если же говорить о музыкальной культуре, что я, естественно, знаю лучше всего, то сейчас почти все более или менее приличные исполнители уехали на Запад, потому что здесь нет ни перспектив, ни денег. Я их не ругаю, мне просто больно, что это так.

Жаль, что звезды первой величины, в том числе и выходящие из России, мало приезжают сюда, мало поют. Я думаю, государству уже пора подумать и об этом. Нужны какие-то дотации, какое-то спонсорство для тех больших певцов, которые возвращались бы назад и пели на родине, хотя бы изредка...

— Вы понимаете тех, кто уехал. А вам самой никогда не приходило в голову поступить так же? Говорят, вы очень любите Японию, у вас там даже домик есть.

— Да, но я его не купила, мне его просто дали, а это, согласитесь, совсем разные вещи. Кстати, купить домик в Японии — это очень-очень дорого. Но вообще-то я действительно очень люблю Японию.

Первые я приехала туда 38 лет назад, это были самые первые мои зарубежные гастроли, и я просто влюбилась в эту страну, сочетающую в себе техническое совершенство и очень-очень старую, необыкновенно изысканную культуру с ее философскими садами и парками, живописью, кимоно... Все это вместе производит совершенно неизгладимое впечатление. Я была так восхищена Японией, что когда уезжала, долго плакала и боялась, что никогда больше не увижу эту страну чудес. К счастью, моя судьба сложилась так, что я туда поехала и второй раз, и третий, а теперь каждый год провожу там по три месяца. Но вот желания уехать насовсем у меня не было никогда.

— Почему?

— Да, вопрос из тех самых «простых», на которые труднее всего отвечать. Есть вещи очень личные, практически не поддающиеся формулированию. Почему я не уезжаю? Наверное, потому, что очень люблю Россию, потому, что это моя родина, потому, что я очень русская. Я иду по ули-

це, вижу каждую старуху и знаю, как она живет, что она думает и о чем она думает.

Я приезжаю в Петербург и понимаю, что воспитана этой красотой. Этой рекой, этим небом, набережными, мостами... Здесь Эрмитаж, Русский музей, все, что с детства отразилось в моей душе. Я давно заметила, что в этом городе живут исключительно культурные, высокодуховные люди. Это, видимо, напрямую зависит от той красоты, которая их окружает. Я думаю, это очень важно. И потом, никакой другой город не пережил столько, сколько Петербург, Ленинград. Не только те, на чью долю выпали подобные испытания, но и их дети, внуки просто не могут быть плохими, черствыми, жестокими. В горе душа человеческая облагораживается и обновляется. Господь нам посылает страдания, наверное, именно для очищения, а в этом городе столько горя и столько красоты, облагораживающей душу! Я не смогу без этого чувства, какие бы роскошные условия мне ни создали за границей.

— Значит, нас спасет горе и красота?

— И еще Любовь и, конечно же, Музыка...

— В этом, видимо, и есть смысл вашей жизни?

— Смысл жизни? Да, это, действительно, Любовь и Музыка, причем, я считаю, что это одно и то же. По крайней мере для меня.

— Вы, видимо, верующий человек? Если можно, расскажите, как вы пришли к Богу?

— Да, очень верующий, это у меня с детства. В церковь меня начали водить с трех лет, и я там молилась Боженьке, чтобы голод кончился, чтобы войны не было. Делала я это, разумеется, совершенно по-детски, но очень старательно — заметила, как некоторые старухи быются головой об пол, и решила, что только так и надо, что нужно обязательно стучать головой в пол, и никак не могла взять в толк, почему все смеются. Потом другие верующие говорили моей бабушке: «Скажите вашему ребенку, чтобы он этого не делал». Я уже говорила, что мой папа был коммунистом, человеком, искренне преданным партии, а вот бабушка и тетка, напротив, были очень верующими людьми. Бабушка и повесила мне крестик, который я никогда не снимала.

— А вам предлагали это сделать?

— Да, мне, бывало, говорили, чтобы я его сняла, но я всегда отвечала, что это бабушкина память и что я никогда этого не сделаю. И от меня отстали.